

1. В этом вопросе упряманы два других вопроса: какое кино? Какого общества?

Если кино талантливо, умно, мужественно затрагивает важную для общества проблему, — оно оказывается необходимым этому обществу, как хлеб насущный. Не занимается делом, уходит в сторону от человеческих вопросов, увиливает от ответственности быть борцом и мыслителем — и нет до него дела людям.

«Кино вообще» не существует. Есть кино — друг, кино — учитель, кино — балагур, кино — растлитель, кино — лжец, кино — поп Гапон, кино — сладкоголосая сирена...

Но есть и кино — Революционер.

А также есть, к стыду нашему, кино — карманный вор: по полтиннику, по двадцать — тридцать копеек с него довольно. С мира по нитке — автору рубаха. К сожалению, на сегодня это самый распространенный в мире вид кино.

Сохранит ли в будущем кино свою роль, точнее, роли, в связи с конкуренцией телевидения? Думаю, что именно в связи с развитием телевидения роли эти станут еще более отчетливо видны. Конкуренция между кино и телевидением, мне кажется, нет. Есть конкуренция способов показа кино: домашнего и общественного, между кинопрокатом и телевизором. Зачем пугаться грядущей пустоты кинозалов: если за всю свою историю человек не стал «одиноким», стало быть, ему это ни к чему, будем надеяться, и не станет он «одиноким созерцателем телевизионных программ». Корни его «общественности» уж больно глубокие. А что иногда он будет смотреть кино по телевизору — пусть смотрит на здоровье, киноискусство от этого не перестанет быть киноискусством.

2. «Андрей Рублев» Тарковского, «Жемчужина в короне» Куца, «Структура кристалла» Занусси, «Под стук трамвайных колес» Курасавы, «Комиссары» Мащенко, «Жил певчий дрозд» Иоселиани, «Пиросмани» Шенгелая. Столь разные фильмы объединены для меня великим умением безукоризненно выразить в материале кино

самые сложные мысли и самые тонкие нюансы человеческих чувств. Я не со всеми знаком из тех, кого называл, но хотел бы быть другом каждого, потому что чувствую настоятельную потребность общаться с людьми, которых можно по пра-

на дешевый фокус. Ушел я с просмотра с твердым убеждением, что роман экранизировал не Петрович, а третьеразрядный помощник Сатаны господин Коровьев. Не исключено, правда, что это одно и то же лицо.

Меня потрясает бездарность тиражируемая, внедренная в тысячи зрительских душ. Бездарность, прикрывающаяся или идеа-

на дешевый фокус. Ушел я с просмотра с твердым убеждением, что роман экранизировал не Петрович, а третьеразрядный помощник Сатаны господин Коровьев. Не исключено, правда, что это одно и то же лицо.

Юрий ИЛЬЕНКО:

КОГДА ЛИТЕРАТУРА ОБОРАЧИВАЕТСЯ ЛИТЕРАТУРЩИНОЙ

ву назвать гуманистами. Впрочем, я и так общаюсь с ними — через экран, только редко. Жаль.

Но не менее сильные у меня были и отрицательные эмоции в последнее время. Фильм Аррабала «Да здравствует смерть!». Фильм, после которого не хочется жить. Фильм, сделанный столь уверенной рукой профессионала, что становится страшно. Фильм беспощадно топчет в тебе все человеческое, не оставляет никакой надежды ни на что. Он кричит: ты думаешь, что ты — человек? Ты — грязное, бешеное животное, и твой удел — пожирать собственные испражнения! Стоит ли жить, господин Аррабал, столь изуверившись в себе

ми, или чужим прославленным именем. Мне довелось видеть фильм Петровича «Мастер и Маргарита» на арене, построенной для гладиаторских боев еще во времена Понтия Пилата. Теперь она переоборудована для кинопросмотров. Все странно смешалось во времени: на фоне развалин древнеримской арены мерцали заснеженные купола кремлевских соборов, кривлялся Пилат, невообразимые кретины ехали в трамвае, изображая московскую толпу, все неизбежно катилось к главному аттракциону фильма, когда голые люди разбегаются из театра. Мне было скверно: умирал на арене роман, все было похоже

Ильенко Юрий Герасимович, оператор и режиссер.

После окончания ВГИКа на Ялтинской киностудии снял фильм «Прощайте, голуби». Наиболее известная операторская работа Ильенко — в картине С. Параджанова «Тени забытых предков». Режиссерский дебют — фильм «Вечер накануне Ивана Купала», поставленный на Киностудии имени Довженко. На этой же студии Ю. Ильенко поставил фильм «Белая птица с черной отметиной», получивший Золотой приз VII Московского международного кинофестиваля.

3. Да, нахожу.

4. Во-первых, думаю, даже уверен, что самые большие успехи, связанные с политическим фильмом, все-таки принадлежат нашему кинематографу, у нас он родился — политический фильм. Во-вторых, обилие так называемых «политических» фильмов на Западе — скорее, дань моде, политиканство. Нельзя же всерьез говорить, что это политический фильм, если в нем в промежутках между сексуальными сценами появляются на стенах портреты Че Гевары или цитируют Троцкого или Мао.

Я думаю, что политический фильм — это не обя-

зательно такой фильм, в котором говорят о политике, важна позиция автора. Думаю, что и «Судьба человека» Бондарчука, и «Баллада о солдате» Чухрая — истинно политические фильмы.

А то, что есть спрос на политические фильмы, действительно свидетельствует о том, что огромные массы людей хотят разобраться в политической картине мира.

6. Отношения кино и литературы я себе представляю точно так же, как и отношения литературы и живописи, литературы и архитектуры, литературы и музыки... Уж и не знаю, стоит ли писать дальше... Ведь газета — «Литературная», чуть что не так — выпорют, непременно выпорют! Да ладно, бог не выдаст — свинья не съест! Сразу оговорюсь: для меня литература значит очень много, я обязан ей, наравне с матерью и отцом, что она воспитала все лучшее, что, я хотел бы надеяться, во мне есть.

Но как только литература начинает навязывать свои законы иному виду искусств — гибнут оба: литература оборачивается литературщиной, а, скажем, живопись превращается в жалкое иллюстраторство. Так же и в кино. Да, литература научила кинематографа мыслить. Но сегодня кинематограф уже совершеннолетний вид искусства. Со своим материалом. Со своими законами преодоления этого материала. Но, к сожалению, очень часто литераторы относятся к кинематографу, как к своей колонии, вторгаются на его территорию, не уважая или не зная законов его. Тогда бывает худо. Еще хуже, когда кинематографисты, этикие янгичары от литературы, не чувствуют этих законов.

Поэтому я призываю кинематографистов к справедливой, антиколониальной борьбе против литературщины в кино. А теперь можете пороть, хотя я думаю, что никого не обидел.

7. Как только это я пойму или приближусь к пониманию — непременно сниму фильм. И ответы мои будут в этом фильме.

8. Мы и работаем для того, чтобы весь наш «массовый зритель» стал «элитой». Если понимать под словом «элита» зрителя, которому доступно наслаждение искусством,